

М.С. Нескромный

(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)

Ритуальные погребения таштыкской культуры

В настоящее время можно констатировать, что археологического материала, связанного с таштыкской культурой накоплено, пожалуй, больше, чем по любой другой культуре гунно-сарматского времени, известной на территории Южной Сибири. Несмотря на это, исследователи сравнительно мало обращали внимание на проблемы реконструкция идеологической системы, существовавшей у таштыкского населения. Это не может не вызывать удивления, поскольку именно в погребально-поминальном комплексе и инвентаре таштыкцев идеологические и религиозные представления получили наиболее полное и яркое воплощение.

Религиозно – мифологическая система любого этноса это, прежде всего система, в рамках которой определяется существование социального бытия и все социальные функции. Наиболее полно и доступно для понимания она отражена в словесных текстах, однако ее

культурно-историческая реконструкция не может опираться исключительно лишь на один тип источников. Использование данных археологии весьма привлекательно, но в тоже время чрезвычайно затруднено и требует применения определенной исследовательской методики, к разработке которой исследователи лишь приступают. Как отметил Д.С. Раевский, интерпретация археологических памятников в плане реконструкции запечатленных в них мифологических концепций представляет, по существу, задачу в значительной мере прикладную, осуществимую лишь на базе принципов, выработанных в иных областях гуманитарного знания (Раевский, 1985, с. 14).

Учитывая отсутствие мифологических текстов относящихся к таштыкскому времени, вполне оправданно, опираясь на богатейший накопленный археологический материал, использовать сравнительно-исторический метод для реконструкции определённой части мировоззрения таштыкского. Хотя сравнение разнородных и разновременных источников, всегда содержит вероятность появления случайных аналогий, что может поставить под сомнение правильность сделанных выводов. Археологические памятники, при всей их семантической глубине и значимости, не содержат в себе прямого отражения определенных мифов или мифологем. Под реконструкцией религиозно-мифологической системы мы можем понимать скорее попытку выделения лишь основы идеологических представлений, отражающей мифологизированную человеком реальность.

Один из важных аспектов мировоззрения таштыкцев, получил отражение в так называемых «ритуальных погребениях». Подобные погребения известны в рамках почти всех известных археологических культур и характеризуются рядом особенностей, совокупность которых позволяет вынести их за рамки обычных, наиболее типичных форм. Это расположением вне основных мест захоронения (погребального сооружения); поза; наличие следов определённых воздействий на труп; присутствие в погребении вещей, которые могут быть идентифицированы как специально созданные для данного погребения и т.д.

При анализе «ритуальных погребений» нужно учитывать, что погребения вообще – система ритуалов, преследующих определённые цели (помочь усопшему уйти в другой мир, оградить живых от мести или гнева умерших и т.п.). «Ритуальные погребения» еще более акцентированы на определённых функциях, которые напрямую можно связать с самим характером смерти, в данном случае «ритуальной». Ее обстоятельства и причины, особенно если смерть носит насильственный характер, наиболее явно отражают определенные аспекты религиозно-мифологической системы.

Впервые исследователи обратили внимание на подобные погребения при раскопках Тепсейского чаатаса. Недалеко от склепа № 4 было обнаружено в могиле 6 захоронение положенной ничком и вероятно связанной женщины. (Грязнов, 1979, с.140). По мнению Э.Б. Вадецкой, это погребение относится к жертвоприношениям (Вадецкая, 1999, с. 265).

Два подобных погребения были обнаружены при раскопках могильника Маркелов Мыс II. Погребение № 89 могильника Маркелов Мыс II находилось на расстоянии 1,2-1,5 м от северо-западной стенки изучаемого склепа. Как таковой могилы и надмогильного сооружения не было. Погребение было совершено в выходе коренных пород на поверхность почвы, которые на площади могильника близко подходят к поверхности. Часть плит, подстилавших грунт, была приподнята и в образовавшейся длинной и узкой щели совершено погребение. Глубина этой своеобразной «могильной ямы» – 0,3-0,4 м, длина – около 4 м, ширина – 0,4 м. Тело умершего скорее даже не засыпали, оно было лишь чуть присыпано землей.

Умерший был уложен на правом боку, головой на восток – северо-восток. Ноги согнуты в коленях и очень сильно подтянуты к тазовым костям. Руки вывернуты в локтях и кистях. Череп разрушен. Чуть ниже ног – фрагмент кости крупнорогатого животного. Многие кости скелета потревожены, возможно, животными. У пояса обнаружена железная поясная пряжка, и два фрагмента лезвия ножа. Недалеко от тела найден железный корродированный крюк, на-

поминающий колчанный, у ноги – роговая пластина с двумя отверстиями, возможно рукоять от ножа. Под фрагментами разрушенного черепа находился еще один нож, расположенный острием кверху. Вероятно, он был воткнут в шею, ближе к затылку. Нож обычный бытовой, типичный для памятников гунно-сарматского времени и эпохи средневековья. По каким-то причинам обычного для умерших таштыкцев погребения в склепе он не заслужил. Тело даже не уложили, а скорее втиснули в очень узкую щель, со связанными ногами и руками. Причем, судя по очень сильно подтянутым к тазовым костям ногам, его, возможно, связывали еще живого, поставив на колени. Смерть, вероятно, наступила после удара ножом в шею.

На черепе умершего присутствуют следы метопизма, характерной чертой которого является сохранение лобного шва. Метопизм рассматривается не как атавистический, а нормальный вариант развития черепа (Рохлин, Рубашева, 1933, с. 1003). Хотя, возможно, эта инфантильная особенность взрослого человека (возраст умершего определяется в пределах 30-35 лет), каким-то образом влияла на психические особенности поведения при жизни.

Если сравнивать подобные погребения различных культур, то аналогий достаточно много. По ним можно выделить следующие сакральные функции, «ритуальных погребений»:

1. Сторож. Умерший вполне мог являться сакрализованной фигурой (шаман, жрец). Страж мира живых от мёртвых должен был обладать значительной магической силой при жизни. Вполне возможно, подобные люди составляли определенную социальную прослойку в таштыкском обществе, впоследствии, возможно, уничтоженную пришедшим народом другой культуры (в данном случае енисейскими кыргызами).

2. Жертва. В этом случае социальный статус погребенного не играет определяющей роли. Главное здесь, возможно, наличие у умершего явного физического дефекта (горб, рудиментарные конечности) или психического расстройства, сопровождавшегося заметными приступами. Практически во всех культурах людей с подобными отклонениями боялись и чаще всего приносили в жертву различным, возможно враждебным человеку, силам.

3. Проводник по загробному миру. Это тот, кто встречал уже в ином мире умершего и отводил его туда, куда нужно. Для данного аспекта должны быть характерны два принципа: а) хронологическое предшествование «ритуального погребения», погребению основному; б) проводник должен и при жизни иметь связь с потусторонним миром. Возможно наличие у него при жизни эпилепсии или «шаманской болезни» или любого другого ярко выраженного расстройства.

Чётко определить и разграничить функции «ритуальных погребений» на основе только археологического материала очень сложно. Однако имеющиеся данные позволяют наметить пути и возможности дальнейшей разработки характера и семантической значимости «ритуальных погребений», отражающих один из аспектов мировоззрения таштыкского населения.

Научные руководители – д.и.н. Ю.С. Худяков, к.и.н. О.А. Митько